

На излете двадцатого века, в самом конце десятилетия, вошедшего в российскую историю под названием «лихих девяностых», в душе Николая созрело одно роковое решение. Нужна новая работа! Стезя врача-терапевта в поликлинике при всей своей напряженности оказалась весьма скупа не только на изобилие, но, подчас, и на обыкновенную сытость. Врачебная мудрость, гласившая, что при работе на одну ставку – есть нечего, а на две – некогда, рекомендовала трудиться на полторы. К совету этому Николай прислушивался не всегда и, полагаясь на нерастроченный еще заряд молодости и здоровья, частенько хватался за гуж двух, а часто и более чем двух врачебных ставок. Энтузиазм и какая-то романтическая настроенность, не угасавшая в Николае на протяжении всех девяностых, служили хорошим щитом от того, что казалось несправедливым. Но лишь до тех пор, пока касалось это лично его, в крайнем случае, жены, хлебавшей из дырявого бюджетного корыта ту же врачебную кашу без масла. Но не их новорожденного сына. Альтруизмом и подвижничеством ребенка не накормишь.

Самые здравомыслящие из коллег Николая, забросив скудную ниву Асклепия, уходили возделывать плодородные пашни Гермеса, осваивая новое ремесло «челнока». Николай был не столь решителен и отважился на поиск хлебных мест в лоне врачевания. Однако мест этих оказалось немного. А те, что все же имелись в наличии, никак не могли поразить его воображения величиной оклада. В основном все их преимущество заключалось всего лишь в более спокойном ритме исполнения своих служебных обязанностей.

Не отыскав никаких подходящих вариантов в муниципальном здравоохранении,

Николай вспомнил о ведомственном. Собственно, о поликлиниках и госпиталях, принадлежащих различным министерствам и управлениям, он не забывал никогда. По доходящим до него отрывочным сведениям, работа в них представлялась делом необременительным и в то же время весьма доходным.

Но организации эти несли на себе заряд закрытости и некой таинственной статусности. Поэтому Николай, не имея в своем тылу никаких значимых родственных и деловых связей, соваться туда не спешил. Но знал, что рано или поздно сделать это все же придется. В своих размышлениях остановившись на поликлинике, относящейся к министерству мира, Николай начал искать контакт с ее начальством. Казалось бы, чего проще, постучал в двери, вошел, поздоровался, изложил суть своего визита и нашел контакт. Но предшествующий опыт Николая говорил об обратном. Обычно главные врачи, не поднимая головы от разложенных на столе бумаг, бурчали что-то вроде: «У меня для вас ничего нет» или предлагали такое, от чего Николай сам отказывался.

Контакт, а точнее, солидный переговорщик, лично знакомый с начальником, нашелся за полгода. А тут еще, как нельзя кстати, до Николая дошел слух, что в выбранной им поликлинике открывается новая ставка фтизиатра. То есть в своих переговорах можно четко говорить о конкретной должности, которая точно никем не занята.

Встретились. Поговорили. Начальник поликлиники задавал много вопросов, большинство из которых либо имело отдаленное отношение к теме переговоров, либо вовсе никакого отношения не имело. Потом, попросив Николая подождать в коридоре, начальник еще долго беседовал с его переговорщиком.

На выходе из поликлиники переговорщик сообщил: «Он тебя возьмет. Ты ему только строительные материалы подешевле найди. Начальник гараж строить будет. Но с этим не спеши. Это к весне ближе».

Пребывая в эйфории от благополучного разрешения вопроса своего нового трудоустройства, Николай не уделил должного внимания последним словам переговорщика и, как будет видно далее, совершенно напрасно.

Неимение капитала после пяти лет работы врачом – явление обычное, но вряд ли открывающее широкие перспективы и уж точно не повышающее покупательскую способность. Поэтому отсутствие прямого требования об уплате так называемого «абиссинского налога» было воспринято Николаем с радостью. Что же касается дешевых стройматериалов, то, во-первых, ему не было сказано каких именно и в каком количестве, во-вторых, «ближе к весне» – это очень нескоро – на дворе стоял только ноябрь, – ну а в-третьих, платить за них придется все равно не ему.

Вся эта нечеткость и размытость формулировок не насторожила Николая, а, наоборот, вселила еще больший оптимизм и благодушие.

Спустя два дня Николай приступил к работе на новом месте. Специализации по фтизиатрии он не имел и потому временно взялся за терапию. Его новая зарплата превосходила старую в три раза, а напряженность труда была примерно во столько же раз меньше.

Через месяц начальник сообщил Николаю одну неприятную новость. В предстоящем году министерство мира отменяет первичную специализацию по фтизиатрии, и если Николай хочет и дальше работать в поликлинике, то должен учиться сам. Это значит, от своего лица заключать договор с высшим медицинским учебным заведением и самому платить за учебу. Печально, но вполне преодолимо. Благо медицинский институт в городе есть.

Ни профессор – заведующий кафедрой фтизиатрии, ни другой профессор – декан

факультета первичной подготовки специалистов против обучения Николая ничего не имели. По причине отсутствия у нового курсанта трех с половиной тысяч рублей они даже согласились обучать его в долг.

Курс обучения состоял из небольшого количества лекций и семинаров. Основное время уделялось практической работе с больными. Взрослое стационарное отделение областного туберкулезного диспансера располагалось на окраине города, на вершине высокого холма. Попасть в диспансер можно было двумя дорогами. По положому и долговому, как бурлацкая песня, склону холма проходила широкая автомагистраль. А по короткому и крутому карабкалась вверх почти отвесная лесенка, прозванная чертовой. Лесенкой этой, впрочем, почти никто не пользовался именно из-за ее крутизны и ветхости.

Стационар состоял из трех лечебных корпусов: терапевтического, хирургического и маленького физиотерапевтического. Кроме того, на территории больницы имелась слесарная мастерская, сторожка и котельная. Дело в том, что ни центрального отопления, ни газа подведено к противотуберкулезному стационару не было. Еду для больных готовили на электрических плитах, а тепло добывали в котельной из угля.

В начале января, когда Николай прибыл на место своей учебы, на дворе стоял тридцатиградусный мороз. Больница, отделенная от шума магистрали высотой холма и бетонным забором, походила на какое-то застывшее, сонное царство. Белы не только земля и крыши, но и стены домов, и высокие тополя. Все одето в белые шубы искристого инея. Гола, словно Ева, только одна котельная труба. Над ней едва заметно струится жидковатый сизый дымок. Пространство меж корпусов безлюдно. Хоть целый час стой и жди – никто не выйдет на улицу на мороз. Лишь изредка приоткроется дверь в лечебном корпусе, высунется наружу физиономия какого-нибудь больного, попытается сигареткой и вновь исчезнет внутри здания.

Кафедра фтизиатрии располагалась на втором этаже терапевтического корпуса. Профессор представил Николая заведующей отделением. А заведующая – немногословная, суровая дама, не вдаваясь в долгие размышления об учебном процессе, передала Николаю на ведение палату.

Это была четырехместная палата. Заняты в ней были, правда, всего три койки. Одно место пустовало.

В далеком прошлом страдающих туберкулезом больных часто делали героями своих произведений поэты и художники. Один из них даже изобразил такую больную в виде богини любви и красоты. Но время сладострастных натур с пылающим взором и алым румянцем на бледном лице прошло.

Самый старший из доставшихся Николаю больных – Василий Петрович. Ему шестьдесят лет. Среднему – Стасу – тридцать восемь. Младшему – Аркадию – двадцать семь. Он ровесник Николая.

Как начинающий добросовестный фтизиатр, Николай проводил свой первый обход с особой тщательностью. Знакомство, сбор анамнеза жизни и анамнеза болезни, осмотр больных заняли у него не менее двух часов. Как правило, у больных туберкулезом истории жизни и болезни переплетены меж собой так тесно, как редко бывает с другими людскими хворями.

Василий Петрович, житель одного из районных центров области, курил с двенадцати лет по три-четыре пачки за день. Сейчас, в связи с болезнью, смог снизить суточную дозу никотина до десяти сигарет. Но совсем бросить курить, как ни пытался, не смог.

Кроме туберкулеза в легких у него имелся еще один серьезный недуг – тяжелая форма хронической обструктивной болезни. Он часто кашлял, отплевывал в специальную баночку, которую постоянно носил с собой, густые, мутные плевки. В груди его даже на расстоянии была слышна игра какой-то сиповатой гармошки. А стоило ему пойти куда-нибудь, хотя бы и не спеша, он уже начинал надувать щеки и задыхаться.

Стас подходил под определение БИЧа – бывшего интеллигентного человека. Он имел высшее образование. В свое время у него была семья, хорошая работа, свой дом с участком земли. Но в один злосчастный момент налаженная жизнь дала сбой. Забрав дочку, ушла любимая жена. Не найдя в себе сил справиться с неожиданной потерей, Стас принялся пить. Начавшиеся проблемы на работе логично закончились увольнением. Но это не остановило страсть Стаса к горячему антидепрессанту. Наоборот, новые беды требовали еще больших доз. Имевшихся накоплений хватило ненадолго. Следом за ними исчезло имущество, сохранявшее хоть какой-нибудь товарный вид. Осталось последнее: дом и участок земли. И тут у Стаса появились новые «друзья». Собственно, с этими «друзьями» он был знаком и раньше. Это были его соседи. Их земельные наделы разделял невысокий забор. Только прежде никаких дружеских и даже просто приятельских отношений он с ними не поддерживал, считал жуликами и твердо знал о них только то, что они торгуют то ли самогоном, то ли каким-то спиртом.

И вот эти «друзья», видя непростую жизненную ситуацию, в которую попал их сосед, принялись помогать ему, ежедневно снабжая все новыми порциями своего подозрительного пойла. Причем ни денег, ни другого вознаграждения за свой товар со Стаса они не требовали.

Так продолжалось целый год. А по его прошествии они объявили, что хорошо бы расстаться. Стас растерянно развел руками, давая понять, что ни копейки денег у него нет. Соседи понимающе закивали и сообщали, что согласны взять домом и участком земли, на стоимость которых Стас за год как раз и напил.

Требования и угрозы соседей вкупе с глубоким унынием, расплавленной длительными возлияниями волей и, главное, смутным чувством, что он действительно им много должен, сделали свое дело. Стас подписал дарственную и пошел жить на улицу.

Слушая еще год в одно из редких трезвых озарений Стас понял, что еще немного – и он попросту помрет. Решив искать спасения у людей в белых халатах, он поплелся в поликлинику, откуда после короткого обследования был направлен в туберкулезный диспансер.

– Здесь, как на курорте, – заканчивая свой рассказ, говорил он Николаю, – уже два месяца как в рот ни капли.

Голос его был хриплым. Николай подумал, что если бы Стас работал в киноиндустрии, то ему обязательно доверили озвучивать роль сказочного волка. Подобный тембр голоса был характерен для туберкулеза гортани.

Третий пациент – Аркадий – последние пять лет своей жизни провел в местах не столь отдаленных. Туберкулез, если можно так выразиться, красной нитью проходил через все годы его заключения. Эта болезнь, как ни странно, является желанной для многих заключенных. Дело в том, что не только в своем начале, но и в период разгара туберкулез чаще всего не вызывает у больного сильного ухудшения самочувствия. Часто больной не подозревает, что недуг его тяжел и даже смертелен. И при всем этом диагноз туберкулеза на длительное время освобождает заключенного от трудовой повинности, переводит из камеры в лазарет и улучшает питание. То есть людьми, несведущими во врачебном деле, туберкулез воспринимается как болезнь легкая, необременительная и в то же время дающая значительные послабления режима.

На этой почве в колониях даже имеет место один вид предпринимательства – тайного и весьма специфического. Это торговля мокротой, содержащей в себе туберкулезные бактерии. Купить заветный плевоч можно только у больного туберкулезом и за немалые деньги. Конечно, речь не идет о самозаражении, а только о симуляции. Симулянт, «косящий» под больного, предъявляет выученные жалобы тюремному врачу. Врач находит у него небольшое, но стойкое повышение температуры тела, которое достигается введением в задний проход кусочка обыкновенной луко-

вицы. На рентгенограмме органов грудной клетки обнаруживается мягкая диссеминация. Это приклеенные к коже груди прозрачные и незаметные крылышки мух изменяют нормальный вид легких. И в довершение всего в мокроте, которую мнимый больной выдает за свою и которую, кстати, перед тем как сдать для анализа, должен взять в собственный рот, находят бактерию туберкулеза.

Данную операцию еще в самом начале своего пребывания в тюрьме и осуществил Аркадий. Но лепила, как называл он тюремного врача, оказался настоящим мастером своего дела и знатоком местных традиций. Он не поддался на хитрость и не выставил Аркадию диагноза, которого на тот момент у него не было. Но только на тот момент...

Через десять месяцев Аркадий начал замечать у себя появление тех симптомов, о которых рассказывали ему тюремные наставники. На этот раз он действительно заболел болезнью, которую пытался изобразить у себя. Возможно, что и заразился ей он в ходе того представления от купленной мокроты бациллярного больного.

Так или иначе, но он несколько не опечалился. Наоборот, «счастье» само свалилось ему на голову. Первый курс лечения окончился неудачей. Пытаясь продлить «удовольствие», он старался принимать таблетки как можно реже. Аркадию назначили повторный курс. На этот раз за приемом лекарств строго следили. Лечение пошло на лад. Он выздоровел. Но уже в самом конце срока у него случился рецидив. Его вновь перевели в тюремный лазарет. Да так, прямо из лазарета, и выпустили на свободу. Ах, это сладкое слово свобода! До скучного ли лечения ему стало, когда он обрел то, о чем мечтал на протяжении целых пяти лет. Многочисленные друзья, пьянки, травка, девочки. Не жизнь, а разлюли-малина. Он прервал лечение. «Сдаваться» в туберкулезный диспансер он пошел только через несколько месяцев, когда ему совсем лихо стало. То, что в тюрьме выручало его, на свободе начало тяготить.

Все три пациента в исходной точке стационарного лечения имели в легких полости распада, все три были бактериовыделителями. Но в ходе проводимой химиотерапии у Василия Петровича и Стаса стала наблюдаться положительная динамика процесса. Но только не у Аркадия. Вняв уговорам матери и голосу собственного рассудка, впервые за долгие годы он захотел избавиться от болезни. Но чахотка, словно ревнивая жена, слишком долго делившая с мужем и печали и радости, не хотела покидать своего благоверного.

Лечение туберкулеза – процесс длительный, требующий и от больного, и от врача большой выдержки и терпения. Одна только первая интенсивная фаза занимает два-три месяца. Во всем их продолжении больной должен ежедневно принимать четыре, а то и пять противотуберкулезных препаратов, каждый из которых, хотя и не является откровенным ядом, но способен вызывать весьма удручающие побочные реакции. Порой они пробуждают у больных большее число жалоб и опасений, чем сам туберкулез.

Учеба Николая протекала неторопливо и размеренно. Утром после осмотра больных он делал записи в историях болезни, докладывал об изменениях в состоянии своих подопечных заведующей отделением, а потом принимался штурмовать учебники по физиологии и рентгенологии. Хотя процесс самообразования происходил в ординаторской, Николаю приходилось надевать на себя пальто. Уже говорилось, что диспансер получал тепло из своей собственной котельной. Однако бюджет, направленный на охрану здоровья, был настолько тощ, что не мог позволить себе покупку достаточного количества угля. А та часть, что все-таки приобреталась, в ночное время постепенно растаскивалась хозяевами близлежащих домов с печным отоплением. Последнему обстоятельству способствовал факт хранения угля в виде обычной кучи под открытым небом. Кроме того, ночной сторож сам был из местных и, надо полагать, активно закрывал глаза на проделки своих родственников и соседей.

В итоге котельная работала в четверть силы, и в январскую стужу температура внутри лечебных корпусов редко поднималась до десяти градусов.

Приближался полдень. В ординаторской Николай был один. Подумав, что еще немного и знания потекут из его головы, как закипающая каша через край кастрюли, он поднялся и подошел к окну. В невысоком зените блистало холодное зимнее солнце. С вершины горы была видна вся северо-восточная часть города. Гора, на которой находился диспансер, звалась Девичьей. Прямо напротив нее, за рекой, находилась Молодецкая гора. В противоположной, западной, части города река разделяла еще две горы: Бабью и Отцовскую. Интересное не то, что в древние, приснопамятные времена, когда на нашей земле зарождались названия всякого рода местностей и населенных пунктов, на этих четырех горах изолированно проживали девицы, молодцы, отцы и бабы, а то, что антагонизм меж ними был настолько велик, что свои поселения они еще и рекой разделяли.

В ординаторскую вернулась с обхода заведующая.

– Новые больные прибыли, – сказала она, – сходите в приемную, посмотрите.

Вновь прибывших больных было двое. Один из них – Карим – пожилой таджик. Второй – Федя – парень из местной глубинки, которому едва исполнилось восемнадцать.

На рентгенограмме органов грудной клетки в верхней доле правого легкого у Карима виднелась громадная рыхлая туберкулема, окруженная, словно планета спутниками, целой стаей мелких петрификатов. У Феде имелся правосторонний серозный плеврит. До направления в туберкулезный диспансер его лечили в районной больнице. Но, несмотря на два курса мощной антибактериальной терапии, болезнь его не прошла. Жидкость в плевральной полости после пункций накапливалась вновь. В результате, хотя возбудитель туберкулеза у Феде и не был найден, ему поставили диагноз туберкулезного плеврита и перевели в диспансер.

После оформления историй болезни Карима определили в хирургическое отделение, а Федю в терапевтическое, в палату Николая.

Восемнадцатилетний Федя был приземист и толстоват. Он сильно сутулился. Из-за этого и без того малый рост его казался совсем невеликим. всю жизнь безвылазно провел он в своей деревне, и теперь, на новом незнакомом месте, к лицу его словно приклеилось выражение боязливой настороженности. Федя был замкнут и молчалив. А если его о чем-то спрашивали, то отвечал он не сразу и невпопад, чаще пуская в ход всего два слова: «угу» и «не-а». В первый же день Феде была назначена противотуберкулезная химиотерапия. А во второй – из его плевральной полости откачали полтора литра жидкости, в которой туберкулезную бактерию так и не нашли.

В середине февраля началась оттепель. Ухабы и ямы на дорогах наполнились талой водой, а ровные места покрылись мокрой снежной кашей. Сугробы, укрывающие южный склон Девичьей горы, осели, в них появились большие проплешины бурой, напитанной влагой земли. Чувствовалось приближение весны. Несмотря на воцарившуюся на улице мокреть и слякоть, оттепель очень нравилась обитателям диспансера. В их временном жилище потеплело. Красные столбики на вывешенных в палатах термометрах лениво и неуверенно, но стали подползать к двадцатиградусной отметке.

Однажды после утреннего обхода к Николаю в коридоре подошла женщина.

– Доктор, ведь это вы восьмую палату ведете? – спросила она.

Николай кивнул.

– Я жена Стаса Пинчужникова. Можно с вами поговорить?

Николай снова кивнул:

– Пойдемте в ординаторскую.

– Доктор, а можно здесь, – женщина опустила глаза, – там другие доктора, а я хочу без свидетелей.

– Давайте здесь, – вздохнул Николай.

– Доктор, я вас очень прошу, поговорите с ним. Пусть он после выписки в семью воз-

вращается. Мы с дочерью ему все простили. Пропадет он на улице, сгинет...

Голос женщины задрожал.

Николай не сразу нашел, что ответить. Слова женщины входили в разлад с историей, рассказанной ему Стасом.

– Уже и мать его об этом просила, и дочь, и я просила. Не слушает он нас. А вы же врач..

Ее глаза заблестели от слез.

– Позвольте, – произнес Николай, – кажется, вы сами его бросили. От этого он и спился, и дом свой потерял.

– Бросила!? – всплеснула руками женщина. – После того, как он дом соседям подарил, а до этого года три пил безбожно и баб водил? Что же мне с дочкой семилетней в подворотню на постой следом за ним идти нужно было? Нас мать его приняла. С нею и сейчас живем. Свекровь его по улицам чуть не со свечкой искала, просила: «Сынок, приходи ко мне жить, места всем хватит», а он ей: «Мне свобода дороже, ты моих врагов приютила». Это, значит, нас с дочкой. «Вот, – говорит, – и живи с ними».

Николай удивленно покачал головой.

– Признаться, от Стаса я слышал несколько иную историю. Хорошо, я обязательно поговорю с ним.

Жена Стаса семеняла за Николаем до дверей ординаторской.

– Я поговорю, – взявшись за ручку двери, повторил Николай, – до свидания.

– Спасибо, доктор, – всхлипнула женщина.

Разговор со Стасом у Николая состоялся в тот же день сразу после полудня. И у мужа, и у его жены имелись свои истории недалекого прошлого. И в чьей из них было больше правды, оставалось только догадываться. Николай рассудил, что поиски правых и виноватых в чужом семейном раздоре вряд ли принесут пользу. И потому он решил повлиять на Стаса с точки зрения сугубо медицинской.

– Послушайте, – обращаясь к нему, начал свою речь Николай, – ваше лечение идет неплохо, болезнь постепенно отступает. Вскорости вас выпишут, переведут на амбу-

латорное лечение. А где вы будете жить? Чем питаться? Во что одеваться?

Стас окинул Николая неприязненным взглядом и быстро опустил глаза.

– У меня есть точки опоры, и друзья есть, они помогут.

Ни капли уверенности не звучало в его словах.

– Мне стало известно, что у вас действительно есть одна надежная точка опоры – это ваша семья, – продолжил Николай, – ваша мать, дочь и жена. Они ждут и примут вас. Я нисколько не собираюсь обсуждать ваше прошлое и искать виноватых. Я хочу заглянуть в будущее. Если вы вернетесь на улицу к той жизни, которую вели последний год, вы умрете. Очень быстро. Туберкулез убьет вас. Это не подлежит ни малейшему сомнению. А если придете в семью и откажетесь от нищенского рабства, которое почему-то называете свободой, то будете жить. Подумайте – жизнь и смерть. Выбор сделать нетрудно.

На следующий день Николай рассказал заведующей о психотерапии, проведенной Стасу.

– Вы правильно сделали, – сказала заведующая, – только наши доводы не всегда помогают. Чаще бывает обратное. Скажешь человеку: будешь то-то и то-то делать – умрешь. Он и сам понимает, что умрет. И все равно делает. Охота пуще неволи. Вот в вашей палате еще один больной лечится – Аркадий. За ним каждую пятницу вечером друзья на машине приезжают, увозят его в город на отдых. А в воскресенье вечером обратно возвращают. Он эти свои побеги как бы тайно осуществляет. Даже выходит и заходит на территорию не через главный вход, а по чертовой лесенке. Он думает, что если по вечерам и в выходные дни в стационаре всего один врач дежурит, то о его побегах никто не знает. О них все знают.

– Я не знаю, – удивился Николай.

– Теперь знаете. Вообще за такие нарушения режима мы из стационара выписываем. Но мать этого Аркадия ко мне не раз приходила и рыдала, и на колени падала, умоляла лечить сына дальше.

– А с ним самим вы разве на эту тему не говорили? – спросил Николай.

– Говорили и я, и мать его. Результат невеликий. Раз или два он свои гулянки пропустил, а потом опять начал. Эффективность нашего лечения у него нулевая, потому что каждую неделю он двухдневные перерывы в приеме таблеток делает, а вместо них водку в себя заливает.

В канун 23 февраля Николаю позвонила секретарша начальника поликлиники и сообщила, что тот требует его сей же час к себе. Закончив обход и едва успев сделать записи в историях болезни, Николай отправился на свое основное место работы. Сердце его было беспокойно.

Начальник перешел к делу без вступлений и предисловий.

– Вы в поликлинике четвертый месяц работаете. Где мои плиты?

Николай в задумчивости потер ладонью лоб.

– Мне о стройматериалах для вашего гаража говорили, но не уточнили – какие именно нужны.

– От вас надо пять железобетонных плит-пустоток. Три на крышу, две на пол.

– Хорошо, – легко согласился Николай и как-то расслабленно добавил, – будем искать.

– Ищите! – рыкнул начальник и нервно дрогнул усом. – Не то – глядите – свой испытательный срок вы пока не прошли. Уволим вас. Желающих на ваше место много.

Кабинет начальника Николай покинул в невеселом расположении духа. Еще больше опечалился он после звонка на строительную базу, где ему сообщили, что одна плита стоит полторы тысячи рублей. Соответственно пять плит – семь с половиной тысяч. А если приплюсовать к этому уже имеющийся долг за обучение, то выйдет сумма и вовсе неподъемная, равная врачебной зарплате Николая за целых девять месяцев.

Вернется ли к нему хотя бы часть денег за стройматериалы? Слова переговорщика при устройстве Николая на работу можно было понимать двояко. А после сегодняшнего раз-

говора в возмещении расходной статьи на строительство начальственного гаража Николай стал сильно сомневаться.

Между тем ренессанса зимы так и не произошло. Февральская оттепель с началом марта уверенно превратилась в настоящую весну. На склоне Девичьей горы, уже полностью освобожденной от белого покрывала, вот-вот должны были появиться первые цветки мать-и-мачехи.

Во время очередного обхода при осмотре Феди Николай обратил внимание на вновь появившееся ослабление дыхания внизу правого легкого. Там при перкуссии стала выслушиваться «деревянная» тупость. Это могло свидетельствовать лишь об одном – в плевральной полости Феди опять начала скапливаться жидкость.

– Не исключено формирование спаек, – предположила заведующая, – последите за ним. Если тупость станет нарастать, будем снова пунктировать.

– Может, еще один снимок сделаем?

– Последите несколько дней, – повторила заведующая, – контрольные рентгенограммы делаются через два месяца.

Федя исправно принимал все прописанные ему таблетки, но, несмотря на это, уровень жидкости в проекции правого легкого, перкуторно определяемый Николаем, поднимался все выше и через неделю достиг уровня четвертого ребра.

– Давайте снимок сделаем, – снова запросил Николай.

– Пишите направление, – согласилась заведующая.

Этим же утром Феде была выполнена контрольная рентгенография органов грудной клетки. И после полудня в ординаторскую зашел рентгенолог и пригласил Николая в свой кабинет. Там он показал ему снимки.

– Первый сделан в районной больнице до лечения, второй после, а третий – это наш сегодняшний. На всех трех в правом легком примерно одинаковое количество жидкости. То есть ни их, ни наше лечение практически неэффективно. Но меня насторожило не это. Посмотрите – в самом низу на уровне

диафрагмы как будто кончик ниточки. На предыдущих снимках я видел его и прежде, но, честно говоря, полагал, что это какой-то дефект пленки. Но на сегодняшнем снимке этот артефакт появился уже в третий раз. Это подозрительно. Пришлите этого Федора завтра ко мне. Я ему на всякий случай брюшную полость сфотографирую.

На следующий день Николай в компании заведующей и рентгенолога дивились рентгеновскому снимку Федеиного желудка. В нем красовался большущий моток проволоки, конец которой пронзал стенку самого желудка, правый купол диафрагмы и наружный листок плевры. Никакого туберкулеза у Феди не было и в помине. А экссудативный плеврит, который так долго и безуспешно лечили, был вызван собственно травмой плевры и инородным телом, находящимся в плевральной полости.

– Ты зачем проволоку съел, придурок? – в сердцах пытал Федю Николай.

– Брюхом мучился, – мямлил тот.

– И что?

– Лечился.

– Проволокой?

– Угу.

– Может, ты от армии косил?

– Не-а.

– А почему не сказал об этом никому?

– Вы ж не спрашивали.

Добиваться от Федора внятной и правдивой истории его истинного заболевания было бесполезно. Но в сложившейся ситуации не это имело главный смысл. Для дальнейшего лечения нужно было как можно быстрее переводить больного в областную больницу. В конце марта Николай узнал, что Федя был успешно прооперирован, моток проволоки в полтора метра длиной успешно извлекли из его внутренностей. После операции Федин плеврит зажил в несколько дней. Он был выписан и благополучно убыл в свою деревню.

Таким образом, одна из четырех коек в палате Николая снова опустела. Место для очередного бедолаги, больного туберкулезом, стало свободно.

Как-то в середине рабочего дня в ординаторскую заглянула санитарка и, увидев Николая, сказала:

– К вам знакомый приехал, на улицу выйти просит.

Николай пожал плечами. Он никого не ждал.

Прямо напротив больничного крыльца стояла зеленая «десятка». Опершись локтем о крышу автомобиля, Николая поджидал здоровенный детина. Это был Миха – романтик и авантюрист, бывший одноклассник Николая.

– Здорово, братуха! – осклабился он и протянул Николаю широкую мясистую ладонь. – Как сам, как семья?

– Здорово, – сдержанно буркнул Николай.

В школьные годы Миха не был ни другом, ни даже приятелем Николая. А после окончания школы они не только между собой никогда не общались, но даже и не встречались ни разу.

– Проблема есть, – начал Миха, – я паспорт с военным билетом посеял где-то. Чтобы новые получить, нужны справки из психиатрического диспансера. А там для этих справок паспорт и военник требуют. Замкнутый круг получается. Помоги со справками, Колян. Я заплачу, сколько скажешь.

– А ты как меня здесь отыскал? – разглядывая Мihu, спросил Николай.

– А-а-а, – махнул тот рукой, – слухом земля полнится.

Миха был одет с вызывающей роскошью – в старые трико с отвисшими коленками и застиранную футболку. За ее оттянутым воротом в густой рыжей шерсти виднелась толстая золотая цепь и увесистый крест из того же металла. Поверх футболки на плечи Мihu была накинута короткая, широченная дубленка.

– Поможешь?

– Попробую, – уклончиво ответил Николай, – нужно с людьми поговорить.

Миха радостно потрянул головой.

– Ты поговори и позвони мне. Запиши мой сотовый.

Скорости Николай посетил психиатрический и наркологический диспансеры. В обоих учреждениях врачами работали люди, с которыми в свое время он учился в медицинском институте. Личность Мihu проверили в базах данных. На учете ни в одном, ни в другом диспансере он не состоял. За умеренную плату справки были оформлены в тот же день.

А по дороге домой рядом с одной автостоянкой Николай заметил кипу плит-пустоток, оттаявших из-под снега и льда.

– Плиты нашего хозяина, – отвечая на вопрос Николая, сообщил ему охранник стоянки, – сейчас его нет, звоните завтра в это же время.

На следующий день Николай выяснил, что плит всего пять, то есть именно столько, сколько ему и нужно, и что хозяин автостоянки с удовольствием продаст их по семьсот рублей за штуку.

Николай набрал номер Мihu.

– Приезжай за справками, – деловито проговорил он.

– Спасибо, братуха!!! Приеду, сегодня же приеду!

Трубка в руках Николая взорвалась восторженным криком Мihu.

Но в этот день Миха не приехал. Спустя два дня Николай вновь позвонил ему.

– Да, да, да! Извини, весь в делах! Сегодня жди! – снова обещал Миха и опять не приехал.

Решив, что одноклассник попросту дурит его, Николай звонить ему больше не стал. Но Миха не врал. Он явился в день белой ромашки – 24 марта, одновременно с последним приветом зимы – большим снегопадом.

– Извини, – сопел Миха, – я боксом много занимался, у меня мозги отбиты. Мы с тобой поговорили, я трубку отключил и забыл. А как вспомнил – уже ночь, ехать поздно. Сколько я тебе должен?

– Семь тысяч, – выдохнул Николай, а про себя подумал: «Пошлет он меня подальше».

Но Миха спокойно отсчитал деньги и передал их Николаю.

– Без базара, братуха, без базара. Мне легализоваться пора. Кочевая жизнь надоела. Меня директором чугунолитейного завода ставят. Так что, если чугун нужен будет, – звони.

Ударили по рукам. Миха нырнул в свою машину и укатил.

Злободневный вопрос оплаты учебы и покупки плит был решен.

Выпавший снег начал таять на следующий день. Подсохшую землю вновь покрыли лужи и хляби. А промозглый северо-западный ветер и несущиеся по небу мышиного цвета облака грозили то ли новой метелью, то ли проливным дождем.

В пятницу заведующая сказала Николаю:

– В это воскресенье с утра у меня суточное дежурство. Если будет желание – приходи, подежурим вместе.

Николай не возражал. Воскресный день прошел без происшествий. Все было ровно и спокойно.

Николай самолично убедился в том, что в выходные дни, как и говорила заведующая, Аркадий отсутствовал в стационаре.

А вечером произошла эпическая битва за энергетические ресурсы. По своей грандиозности битва была сопоставима разве что со схваткой олимпийских богов и титанов, в которой, как известно, победу одержали боги.

Часов в десять, когда на землю опустились густые сумерки, Николай вышел в больничный двор подышать свежим воздухом. Метель вперемежку с дождем унялась еще в середине дня, ветер утих, небо очистилось от туч и внимательно глядело на Николая роem своих мерцающих глаз. Постояв минут десять и полюбовавшись ночным небосклоном, Николай хотел вернуться в корпус, но тут случайно заметил неподалеку от себя едва заметное движение. Он повернул голову и стал всматриваться во мрак. У стен котельной действительно кипела работа. Кто-то, методично орудуя лопатой, расхищал принадлежавшие диспансеру энергетические ресурсы, или, попросту говоря, уголь.

Николай слотнул слюну. Что делать? Бежать к заведующей? Так она ему в таком деле совсем не помощница. Да, есть же сторож. Стараясь держаться тени, Николай метнулся к сторожке – маленькому кирпичному домику, стоящему рядом с котельной.

Сторож – седоватый небритый дядька – лежал на топчане, смотрел телевизор и пускал в потолок клубы табачного дыма.

– Здравствуйте, – начал Николай, – там уголь воруют.

Сторож торопливо опустил ноги на пол.

– А ты кто такой? – с подозрением спросил он.

– Я врач, дежурю сегодня.

– Я здесь всех врачей знаю, – произнес сторож.

– То есть, я учусь, – начал пояснять Николай.

– Вот что, ученик, – перебил Николая сторож, – тебе чего, больше всех надо? Иди ты – учись дальше.

Словно получив звонкую и унижительную пощечину, Николай выскочил на улицу. «Ладно, что ж...» – пронеслось в его голове. И он решительно направился к котельной.

Незванных гостей было двое: старый и молодой. Оба рослые, мордатые, оба в одинаковых шерстяных шапках и ватных телогрейках. Должно быть – родственники. Появление Николая не вызвало у охотников за черным золотом никакой реакции. Лишь старый окинул врача быстрым взглядом и повернувшись к молодому, кратко бросил:

– Поехали, внучек.

Огромный мешок уже был наполнен углем и уложен на санки. Внук взялся за веревку и поволок свою ношу к воротам диспансера. Дед поднял лежащую на снегу лопату и неторопливо затопал вслед за внуком.

Появление Николая было полностью проигнорировано ими. А он был готов встретить испуг, агрессию, но только не это. Багровая ярость застала взор Николая. Он бросился к санкам, рванул на себя мешок, сорвал с него худую перевязь и высыпал уголь на землю. Дед с внуком остановились и удивленно уставились на Николая.

– Ты чего, малой? – строго спросил дед.
– Уголь, он ведь не ваш! – выкрикнул Николай.
– Твой, что ли?

Николай отрицательно мотнул головой, но ничего не ответил. Дед многозначительно махнул лопатой, делая знак внуку. Тот гадко ухмыльнулся и, потирая руки, шагнул к Николаю. Но в последний, предшествующий драке, момент вид высокого человека в белом халате с искаженным от гнева лицом пробудил в сознании деда какие-то смутные опасения.

– погоди, внучок, – буркнул он, – не лезь к этому дураку, ну его. Пошли отсюда.

Ночные охотники неторопливо и словно нехотя поплелись к выходу. Понятно, что уходить с пустыми руками им не нравилось. У самых ворот внук обернулся и, показав врачу кулак, пробасил:

– Мы вернемся.

Николай отер со лба пот дрожащей рукой и, дождавшись пока фигуры деда и внука совершенно скроются из вида, отправился назад в терапевтический корпус.

Николай не знал, что в это время в противоположной стороне диспансера по чертовой лесенке поднимался вернувшийся из двухдневной самоволки Аркадий. Одолев половину крутого подъема, он вдруг почувствовал, что никакой силы не осталось

в нем, и ноги не несут его дальше. Он сел на ступеньку и заплакал. Кое-как, чуть не ползком, никем не замеченный, добрался он до палаты, вскарабкался на свою койку, укутался одеялом. А ранним утром, с первыми лучами весеннего солнца Аркадий умер.

Спустя неделю стационарное лечение у Стаса и Василия Петровича было завершено. Подготовив выписки, Николай попрощался с двумя оставшимися в его палате больными.

– Спасибо вам, доктор, – говорил Стас, – я упираться больше не буду, пить снова не начну, а в семью вернусь: к матери, к жене и дочушке. Я виноват во всем. Примут они меня. А вот простят ли?

– И примут и простят, – уверенно произнес Николай. – Ну, прощайте. В это учреждение старайтесь больше не попадать.

В ближайший понедельник все четыре койки в палате Николая были заняты вновь прибывшими больными.

Но очный этап его обучения подошел к концу. И хотя до сдачи экзамена еще оставалось три месяца, новоиспеченный специалист-фтизиатр, можно сказать, был готов. Заочную часть обучения ему предстояло пройти по своему основному месту работы. Но это уже следующая глава в «Хрониках Николая».